

Атакулова М.А.

**ИЗ ИСТОРИИ ПОСТАНОВКИ И РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
ВАРИАНТНОСТИ/ИНВАРИАНТНОСТИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА**

M.A. Atakulova

**FROM THE HISTORY OF SETTING AND DECISION PROBLEMS
OF VARIANTIES/UNVARIANTIES OF LINGUISTIC MARKS**

В статье рассматриваются возникновение и развитие идеи инвариантности в языкознании, обосновывается ее значение в обобщении и синтезе языковых единиц.

In this article makes out the developing ideas of varianties in linguistics and setting down its meanings in generalization and in synthesis of linguistic units.

Проблематика вариантности/инвариантности была предметом изучения многих специалистов по теории языка. Ей посвящены работы таких языковедов, как Р.О.Якобсон, Н.С.Трубецкой, М.Халле, Д.Джоунз, Л.Ельмслев, Ю.С.Маслов, В.М.Солнцев, В.И.Кодухов, А.В.Бондарко, А.М.Мухин и др.

История постановки и решения данной проблемы еще никем не рассматривалась. Только Р.О.Якобсон выделяет в лингвистике два этапа исканий. Есть основания различать **три периода** развития лингвистических разысканий в области теории вариантности/инвариантности.

Первый этап сопряжен с возникновением учений о фонеме как инварианта в плоскости звуковых вариантов и вариаций. Однако следует отметить, что это учение строится на солидном научном фундаменте, поскольку аналогичные идеи высказывались до Н.С.Трубецкого и Р.О.Якобсона и др. учеными. Например, Л.В.Щерба под фонемой понимал объединение ряда звуков в «звуковые типы». Он писал: «Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных **звуках речи**. Мы будем называть их **фонемами**. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонемы». В этой формулировке Л.В.Щерба фактически понимает фонему как инвариантное свойство класса звуков, являющихся вариантами фонемы. Далее он вводит понятие главного, «самого типичного» для данной фонемы оттенка, который «произносится в изолированном виде».

Аналогичную мысль высказывал и другой лингвист – Д.Джоунз. Он, определяя фонему как «маленькую семью звуков», с одной стороны,

ввел понятие абстрактного звука, для которого конкретные звуки являются его манифестами, а с другой стороны, считал возможным говорить, что «когда фонема состоит более чем из одного члена, один из звуков обычно кажется более важным, чем другие». Такой звук, по мнению Д.Джоунза, может быть назван «главным членом фонемы». Остальные звуки из «семьи звуков» Д.Джоунз назвал «дополнительными членами», или «дивергентными», или «субфонемическими вариантами». Тем самым Д.Джоунз, подводя вплотную к пониманию фонемы как некоторой абстракции, введением понятия главного звука, для которого «неглавные» являются вариантами, представил фонему как состоящую из эталона и его вариантов.

Таким образом, в исследованиях Л.В.Щербы и Д.Джоунза в понятие фонемы вводится «эталонный момент», который в значительной мере был преодолен в трудах представителей функциональной (Н.С.Трубецкой, Р.О.Якобсон и др.) и дескриптивной (Г.Глисон, М.Халле и др.) лингвистики. Именно Н.С.Трубецкой разработал основы учения о фонологии, о соотношении фонемы и ее звуковых реализаций и заложил фундамент современных представлений о понятии фонемы.

В настоящее время соотношение фонемы и звука определено разносторонне и представляется как соотношение инварианта и варианта. При этом фонема понимается как некоторое общее свойство ряда звуков.

Суммируя результаты современной фонологии, В.М.Солнцев приходит к следующим выводам, весьма важным для определения соотношения инварианта и варианта в языке:

1. **Фонема есть класс физически сходных и функционально тождественных звуков.** Понятие фонемы в этом смысле отражает и обобщает общеклассные свойства данного ряда и общие свойства, присущие каждому члену класса именно как члену данного, а не другого класса.

2. Фонема есть результат абстрагирования от чувственных данных. Ее можно мысленно

сконструировать как некоторый идеальный объект, представляющий собой звук или звуки в определенной функции. Ее невозможно вывести с помощью измерений и подсчетов.

3. Фонема – субстанционально-функциональное понятие. Это абстрактный звук в определенной функции. Ее нельзя произвести. Фонема существует реально в виде классов своих вариантов. Мы произносим звуки как реальные варианты фонемы.

На основе этих определений фонемы можно говорить о конкретных звуковых вариантах и вариациях, подводимых под понятие фонемы.

Встречающиеся в речевых произведениях того или иного языка разновидности звука, которые можно условно обозначить символами $T - T_1, T_2, T_3, T_4 \dots T_n$, образуют некоторое множество, членами которого являются все разновидности к T . Отнесение всех этих разновидностей к одной фонеме T обуславливается рядом общих свойств этих разновидностей. Важнейшим из таких общих свойств является их акустико-артикуляционное (физико-физиологическое) сходство. Иными словами, все реальные звуки одного множества должны иметь в известной мере фонетическое сходство. Видоизменяясь в некоторых своих артикуляционных параметрах в разных условиях произношения, все эти разновидности сохраняют неизменными некоторые свои свойства, например такие, как «быть взрывным», «быть глухим», «быть переднеязычным», «быть твердым» и т.п., хотя степень каждого такого свойства видоизменяется и варьируется. Учет только акустического сходства позволяет вывести понятие абстрактного звука T – «звука T вообще».

Однако $T_1, T_2, T_3 \dots T_n$, образующие разновидности общего абстрактного звука T , должны обладать еще одним свойством – свойством одинаково противопоставляться по какому-либо признаку звукам, не входящим в это множество и выполнять смыслоразличительную роль. Другими словами, чтобы быть отнесенными к одной фонеме, члены данного множества должны обладать функциональной общностью.

Другой ряд звуков, например $K_1, K_2, K_3, K_4 \dots K_n$, могут иметь те же свойства, что и разновидности T : «быть взрывным», «быть твердым», «быть глухим» и т.д., но отличаться по признаку «быть заднеязычным». Последнее свойство выполняет смыслоразличительную роль и выступает в качестве дифференциального признака фонем T и K . На этом основании и говорят, что фонема есть множество физически сходных и функционально тождественных звуков. И в то же время фонема есть то общее, что имеется в каждом члене этого множества и что сохраняется

независимо от видоизменений членов множества в различных условиях употребления. **Фонема как идеальный конструкт существует в каждом своем варианте (звуке) как его инвариант.**

В настоящее время понятие инварианта/варианта занимает ключевую позицию в фонологии и не вызывает особых споров в силу основательной разработанности соответствующей теории. **Фонема определяется как инвариант физически сходных и функционально тождественных звуков.** Она реализуется в речи во множестве своих вариантов и вариаций, обусловленных определенными позициями в тексте.

Еще раз отметим, что основы современной фонологии были заложены в трудах Н.С.Трубецкого, одного из основателей Пражского лингвистического кружка.

Второй этап развития идеи о вариантности/инвариантности связан с ее экстраполяцией и на другие аспекты изучения языка. В частности, этот принцип Р.О.Якобсон учитывает при исследовании соотношения языкового кода и различных подходов как функциональных вариантов языка, включая вариативность степени эксплицитности/эллиптичности языковых моделей, вариативность стилей и вариативность типов речи.

Р.О.Якобсон показал универсальный характер принципа вариативности/инвариантности, его способность проявляться в языке и речи, взаимодействовать с внеязыковыми явлениями, существенными для функционирования языковой системы в целом. Единство и взаимосвязь вариантов и инвариантов, по мнению ученого, являются «существенным, сокровенным свойством языка на всех его уровнях». Как видно, Р.О.Якобсон максимально широко понимает отношение вариантности/инвариантности, сферу его действия и распространения, обнаруживая его проявления на всех уровнях языковой системы и во всех сферах реализации речевого общения.

В трудах Р.О.Якобсона четко вырисовывается общий контур действия принципа вариантности/инвариантности в языке и речи. Этот контур имеет две стороны, два аспекта. Первая сторона носит внутрисистемный характер. В данном случае автор имеет в виду вариантность/инвариантность **внутри системы** языка, говоря об инвариантности значимостей языковых знаков и оппозитивных отношений между ними в системе значимостей в целом, о важности места языкового знака в «сети» оппозиций системы языка. Вторая сторона связана с функционированием знаков. Здесь принимается во внимание инвариантность значимостей в системе языковых знаков с точки зрения **целей речевого общения**, целевого подхода к языку, к его единицам и категориям. Соответственно актуализируется вопрос о том, **для каких целей**

служат варианты. На этом основании можно считать, что ученый представляет принцип инвариантности/вариантности как универсальное свойство языка, характеризующегося системно-функциональной организованностью. Поэтому считаем возможным говорить о целостной системно-функциональной концепции Р.О.Якобсона, интегрирующей в своих пределах системно-оппозитивные и функционально-целевые подходы к выявлению и истолкованию инвариантов и вариантов в языке. Такой подход к описанию языка «с его реляционными инвариантами и многочисленными контекстуальными и стилистическими вариациями» позволяет всесторонне раскрыть его системно-функциональные свойства, определить его не «как изолированное и герметически закрытое целое», а как код, осуществляемый и реализуемый в конкретном контексте, с конкретными целями.

Хотя Р.О.Якобсон отдает явное предпочтение внутрисистемному аспекту понятия инвариантности, он признает его единство и неразрывную связь с понятием вариантности, считая свой подход системно-функциональным.

Р.О.Якобсон идею инвариантности разрабатывал прежде всего на примере общих значений грамматических форм. По его мнению, **инвариантными можно называть такие общие значения, которые охватывают все частные значения и употребления данной формы.** Например, «участие говорящего» является общим значением местоимений и глагольных форм 1-го лица и выступает в качестве инварианта по отношению к тем значениям, которые обусловлены конкретными ситуациями и контекстами употребления: 1) «говорящее лицо как субъект действия» (*Мен билем. – Я знай-у* и т.д.); 2) «автор повествования, лирический герой» (*Сиж-у за решеткой в темнице сырой... - Тор артында ным зынданда олтура-м* и др.); 3) «я + ты»; 4) «я + он»; 5) «все люди, в том числе и я»; 6) «я и мои враги» и т.д. Все эти частные значения обобщаются в значении «участие говорящего», имеющем разветвленную систему подзначений и их оттенков. Данный инвариант варьируется во множестве различных условий и ситуаций, образуя сложно организованную систему употреблений. И в то же время значение «участие говорящего» не является автономным и независимым, а входит в состав общекатегориального значения лица наряду с другими такими значениями, как «лицо-адресат», «лицо, не участвующее в общении». Все многообразие частных варьирований и употреблений общекатегориального значения имеет интегральную семантическую основу и представляет то, что их объединяет. В данном случае **объединяющим**

началом всего множества частных употреблений выступает значение «лицо», обладающее свойством интегральности, обобщенности и, следовательно, инвариантности. Инвариант, таким образом, отличается от многообразных конкретно-речевых проявлений значения лица, детерминирует их системную основу и выполняет объединяющую, координирующую и синтезирующую функцию.

Р.О.Якобсон интегрирует общее значение как один из основных элементов его учения о языковых знаках и их системных свойствах, которое тесно связано с теорией единства формы и содержания, звучания и представления, знака и значения. Отказ от признания единства формы и содержания приводит к тому, что «теряется связь между знаком и значением и вопросы значения несправедливо исключаются из области учения о знаке». Признание единства означающего и означаемого, знака и значения противопоставлено «безграничному и бесплодному атомизированию языковых данных», отрицанию общих значений в грамматике. Он считает, что «решающая процедура научного исследования различных уровней языковой структуры состоит в последовательном выявлении и идентификации относительных инвариантов из всего многообразия вариаций».

Из рассуждений Р.О.Якобсона об идее инвариантности/вариантности вытекает весьма важный для наших целей вывод: грамматические общие значения формируются «в конкретной лексической и синтаксической обстановке» вариантов; грамматическая семантика двухуровневая: состоит из частных и общих значимостей. Конкретные значения так или иначе обусловлены различными факторами и зависят от лексического значения, синтаксической валентности и позиции тех языковых единиц, которые формируют эти значения. Конкретные значения соотносятся с глубинными закономерностями языка, заложенными в самой его системе, которые не лежат на поверхности и должны быть выявлены в результате анализа. Инвариантная основа определяется, исходя из конкретных вариантов и вариаций языкового значения. Внутренняя системно-языковая значимость проявляется на поверхности в виде конкретных, легко определяемых и, казалось бы, далеких друг от друга значений. Глубинные значимости, по мысли ученого, коренятся на соотношении и пересечении оси последовательности с осью одновременности (Ф. де Соссюр). Именно парадигматико-синтагматическое единство языковых средств формирует скрытую и глубинную систему, являющуюся «источником оппозиций, необходимых для образования знака». Скрытые системы языка суть источники оппозиций и конкретных диффе-

ренциальных признаков, служащих основанием для выявления общих знаменателей в системе языка.

Понятие инварианта Р.О.Яacobсон использует при анализе лексико-грамматических разрядов и категорий разных типов. Выдвигая идею о категориях-шифтерах, являющихся подвижными знаками значения, он пишет о том, что шифтеры соотносят сообщаемый факт с фактом сообщения. К шифтерам он относил прежде всего прономинативы. Не соглашаясь с распространенным мнением об отсутствии у местоимений постоянной денотации и системы значений, Р.О.Яacobсон отмечает, что местоимения и другие шифтеры имеют постоянное и общее значение. По его мнению, шифтерам тоже свойственны общие значения. Так, *я* обозначает отправителя сообщения, а *ты* - адресата сообщаемой информации. Специфика шифтеров состоит в том, что их инвариантное значение не может быть определено без ссылки на сообщение. Шифтеры в данном случае мыслятся как особые типы общих значений и выявляются в результате выделения инварианта на основе различных дифференциальных признаков.

Общие значения определяются исследователем на материале не только грамматики, но и лексики языка. Он, в частности, анализирует лексические значения слов, функционирующих в поэтической речи. Например, он рассуждает об общем и устойчивом значении слова *nedermar* (речь идет о рефрене стихотворения Э. По «Ворон») и его окказиональных, контекстно обусловленных значениях. Не только в сфере грамматики, но и в сфере лексики признается возможность противопоставления означаемых по принципу маркированности/немаркированности.

Принцип вариантности/инвариантности Р.О.Яacobсон переносит и на теорию падежа. При этом падежи славянских языков он определяет как серию бинарных противопоставлений, описывая их по аналогии с дифференциальными признаками фонем языка. На этом основании он считает, что **в каждом падеже все его частные, комбинаторные значения могут быть приведены к общему знаменателю. В отношении к прочим падежам каждый падеж характеризуется своим инвариантным общим значением, собственной значимостью.**

Общие значения падежей, по мысли Яacobсона, входят в бинарные оппозиции, совокупность которых и образует систему падежей в целом. Признак направленности в вин.п. и дат.п. противопоставлен отсутствию такового в им.п. и твор.п., поэтому он называет вин. и дат. падежи направленными. Признак объемности в род.п. противопоставлен отсутствию такового в им. и

вин. падежах, и тот же признак в предл.п. противопоставлен его отсутствию в твор. и дат. падежах. По признаку периферийности твор., дат. и предл. падежи противопоставлены лишенным этого признака им., вин., и род. падежам.

По мнению Яacobсона, им.п. является всецело беспризнаковым падежом по отношению к прочим, признаковым падежам, т.е. трем однопризнаковым (вин., род. и твор.п.) и двум двупризнаковым (дат.п., обладающему признаками направленности и периферийности, и предл.п., имеющему признаки объемности и периферийности). Направленные падежи (дат. и вин.п.) и объемные (род. и предл.п.) падежи условно названы языковедом определенными в противоположность неопределенным падежам, лишенным признаков направленности и объемности, а им. и вин. п. названы прямыми падежами в противовес прочим падежам, названным им «конкретными» или же «функциональными». Эти идеи Р.О.Яacobсон излагает в двух известных статьях по морфологии русских падежей: «К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа» (1936) и «Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)» (1958), которые были опубликованы в его книге «Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. С. 133-197.

Воспользуемся обзором мнений ученых по поводу теории Яacobсона, выполненным К.Зулпукаровым, внеся и свои соображения по отдельным частным вопросам.

Н.С.Трубецкой, впервые применивший прием оппозиций в фонологии, встретил учение Яacobсона об общем значении русского падежа с восторгом и назвал статью «К общему учению о падеже» новаторской, открывшей новую эру в исследовании систем склонения, «первым образцом действительно целостного рассмотрения одной конкретной падежной системы». В ней «впервые была предпринята попытка объективно рассмотреть падежную систему одного из славянских языков (именно русского) без обращения к грамматическим категориям, созданным в кругу неславянских языков» (см. его статью: Мысли о словацком склонении // Избранные труды по фонологии. – М.: Прогресс, 1987. С. 210, 212, 217).

Критики Р.О.Яacobсона на большом фактическом материале вскрывали различного рода недостатки его концепции: односторонность и субъективизм (Т.П.Ломтев, Н.А.Яанко-Триницкая, Р.А.Будагов, П.С.Кузнецов, Ю.Н.Караулов, С.Д.Кацнельмон, А.П.Володин и др.), искусственность (В.Б.Касевич), гипотетичность (Т.В.Булыгина, А.П.Володин, Е.В.Клобуков), отвлеченность и расплывчатость

(Е.В.Падучева, А.В.Бондарко, Л.Н.Засорина, И.Г.Милославский, Е.В.Клобуков) определения общих значений и т.д. Якобсон, в оценке Ю.С.Степанова, «онтологизирует» или даже «овеществляет» падежи, пренебрегая конкретными коммуникативно-текстовыми их функциями и реализациями.

Отмечая «беспредельную отвлеченность и безжизненность» предложенных Якобсоном схем, А.В.Исаченко пишет, что Якобсон и его сторонники «сводят учение о падежах к механической регистрации специальных значений, между собой ничем не связанных», или же склонны «мерить одним аршином» все без остатка функции падежных форм (Критику теории Р.Я.Якобсона, высказанную А.В.Исаченко, А.В.Володин считает «чересчур запальчивой»). Модель Якобсона неудобна «при исследовании переплетения семантических и синтаксических фактов» (Е.Кирилович).

По мнению В.И.Кодухова, «опозиционная методика обедняет содержание языковых единиц», при этом более существенным признается абстрактный уровень и «определенным оказывается, по сути дела, только сильный член оппозиции».

Лингвистами указывалось также на внутренние противоречия якобсоновской концепции падежа (Т.В.Булыгина, М.А.Кумахов). Признаки «направленность», «периферийность» и «объемность», по которым Якобсон предлагает комбинированную характеристику падежей, неоднородны. Первые два противопоставления косвенно (С.Д.Кацнельсон) или, по другим соображениям, непосредственно (Е.В.Чешко, И.И.Ревзин) отражают функционально-грамматические отношения языковых единиц, а «объемность... лежит в семантической системе» (С.А.Кацнельсон), не имея непосредственного синтаксического содержания (Е.В.Чешко, И.И.Ревзин).

В системе Якобсона «редуцирован денотативный аспект падежной семантики в пользу оппозитивно-парадигматического аспекта грамматической категории» (А.Л.Зеленецкий, П.В.Монахов), смешивается «синтагматический план с парадигматическим» (В.В.Маргтынов), план «грамматической семантики» с планом «грамматического представления» (Е.В.Чешко, Т.В.Булыгина).

Некоторые ученые, в отличие от Якобсона, признают многопризнаковый характер им.п. (Е.В.Клобуков, И.Р.Выхованец). Ряд лингвистов подчеркивает необоснованность переноса универсальной сети фонологических противопоставлений на грамматику (Т.В.Булыгина, А.Е.Супрун, О.В.Захарова, А.П.Володин).

Мы со своей стороны считаем, что Р.О.Якобсон действительно выявил инвариантные свойства падежной системы русского языка в целом. Понятно, что любое общее положение не учитывает всего многообразия деталей объекта, их переплетающихся связей и отношений. Падежи устроены очень сложно. Падеж – форма функционирования имени вообще. Функции и значения падежных форм разнообразны. Они нередко обуславливаются как лексическими, лексико-семантическими, морфологическими и синтагматическими (сочетаемостными) свойствами склоняемого слова, так и его окружением и позицией, а также целями, интересами, речевым опытом и т.д. производителя речи. Детальное и аналитическое описание падежной семантики предполагает выявление всего многообразия падежных значений, подзначений и различных оттенков, определение их промежуточных звеньев и общих функций. **А принцип инвариантности/вариантности рассматривает это разнообразие как совокупность вариантов, вариаций и реализаций общих инвариантных значений.** Поэтому считаем вариантно-инвариантный подход Р.О.Якобсона к теории падежа первым решительным шагом в сторону выявления глубинной сущности семантики падежа, нуждающимся, правда, в дальнейшем уточнении и развитии.

Третий период развития идеи вариантности/инвариантности связан с ее внедрением в теорию и практику языка. В настоящее время трудно найти работы по теории фонетики, где бы не признавалась идея вариантности/инвариантности, не учитывалось единство фонемы и ее вариантов. Учение Р.О.Якобсона об общих значениях падежа получило признание, распространение и применение. Оно кладется в основу теоретического изучения падежей санскрита и хеттского языка (В.В.Иванов, В.Н.Топоров), древнеболгарского (Е.В.Чешко), русского (А.В.Бондарко, М.А.Воейкова и др.), грузинского (Н.В.Чанишвили) и других языков, а также в основу преподавания падежей русского языка иностранцам (З.Д.Гольдин, П.Я.Гальперин, М.В.Панов и др.) и т.д.

Таким образом, благодаря усилиям основателей и сторонников функционализма в лингвистике утвердилась идея вариантности\инвариантности, став **принципом обобщения и абстрагирования языковых единиц и категорий.**

Считаем, что принцип инвариантности найдет свое место в тюркологии и киргизоведении. Этот принцип может быть весьма полезным при выявлении общих функциональных свойств класса однородных единиц языка, при установлении соотношения устойчивого и неустойчивого, неизменного и изменяющегося, постоянного и

непостоянного, общего и частного во множествах строевых единиц и категорий тюркских языков.

Литература:

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры. 2002. – 736 с.
2. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. – М., 1978. -341 с.
3. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М., 1987.
4. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1953.
5. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М., 1985.

Рецензент: д.филол.н., проф., член-корр. НАН КР, Акматалиев А.А.
